

— У Сяобая что, какие-то отклонения? Неужели... она самка? — Ан Лэ была шокирована собственным открытием.

Она полагала, что способность Сяобая понимать человеческую речь — это уже нечто из ряда вон выходящее, но её сообразительность оказалась такой, что Ан Лэ даже вообразить не могла. В конце концов, обезьяна додумалась похитить себе мужа!

Ан Лэ не могла скрыть своего подавленного состояния. Кто бы мог подумать, что такой с виду солидный и серьезный Сяобай — вот такая вот обезьяна! Знала бы она, что так будет, не ловила бы его, когда он свалился с дерева, — пусть бы лучше вывихнул лапу, зато был бы урок. Разве он не с трудом лазил по веткам? Почему же, когда дело дошло до похищения людей, его ноги стали такими проворными?

Сяобай, если бы ты оказался в двадцать первом веке, тебя бы назвали дикарем или горным чудищем, поймали бы и отправили в музей на потеху публике, ты хоть понимаешь это!

— А какое отношение пол Сяобая имеет к делу? — Му Цинъянь с недоумением взглянула на Ан Лэ.

Ан Лэ смущенно подняла указательный палец:

— Ну, он же похищает мужчин, чтобы сделать их своими супругами.

Услышав это, Му Цинъянь прыснула со смеху:

— Твои мысли поистине причудливы.

Уши Ан Лэ вспыхнули.

Му Цинъянь прищурила глаза:

— Сяобай — знаменитая в Северном Шу обезьяна-духовидец. Это крайне редкий вид, самый умный и лучше всех понимающий человеческую натуру среди всех своих сородичей. Она даже на обычных обезьян не смотрит, так с чего бы ей симпатизировать коварным людям? Когда она была маленькой, её перепродавали из рук в руки, а после того, как она чудом сбежала, попала в бродячий цирк, где её заставляли выступать. Артисты цирка были невежественны и не понимали ценности Сяобая. Жизнь там была тяжелой: чуть что не так — побои. В конце концов, её избили до полусмерти, решили, что она не жилец, и просто выбросили. Сколько боли она претерпела от людских рук, сколько мерзких лиц повидала... Не думаю, что она способна полюбить человека, — Му Цинъянь покачала головой.

Её взгляд помрачнел, словно она говорила с намеком:

— Не говоря уже о зверях, даже люди, однажды обманутые и столкнувшиеся с темной стороной человеческой натуры, больше никогда не смогут легко доверить кому-то свое сердце.

Почему тема вдруг стала такой тяжелой?

Ан Лэ остро почувствовала гнетущую атмосферу и, не зная, что ответить, поспешила перевести разговор:

— А... а как же тогда Сяобай оказалась у вас?

На губах Му Цинъянь заиграла насмешливая улыбка:

— Циркачи просто бросили её здесь по пути. Вероятно, направлялись в город Сии, увидели, что Сяобай при смерти, и, решив, что она лишь обуза, выкинули её у дороги. Я как-то вышла прогуляться, увидела, что она лежит на обочине, едва дыша, и принесла её домой.

— Ха-ха... Ты и правда любишь подбирать всякое, — усмехнулась Ан Лэ.

— Неужели господин корит меня за излишнюю жалость, за то, что я принесла тебя сюда? — Му Цинъянь пристально посмотрела на Ан Лэ своими узкими глазами, полуулыбаясь.

— Нет, нет, ни в коем случае! — Ан Лэ отчаянно замотала головой. — Если бы не ты, я бы, наверное, уже стала обедом для волков.

Сейчас она жила в её доме, ела и пила за её счет, а так как в карманах у Ан Лэ было пусто, она не смела и слова против сказать.

— Ты так и не сказала, почему Сяобай любит притаскивать в вашу усадьбу мужчин в белых одеждах, — Ан Лэ немного помолчала, но любопытство взяло верх.

— В другой раз... — Му Цинъянь поднялась, её лицо выглядело усталым. — Господину Ан стоит отдохнуть и поправить здоровье. А я утомилась, прошу прощения, но вынуждена удалиться.

— О, да, конечно, — Ан Лэ выглядела разочарованной, но, видя явную усталость Му Цинъянь, не стала настаивать.

Когда Му Цинъянь ушла, Ан Лэ некоторое время сидела, подперев щеку рукой, а потом, не зная, чем заняться от скуки, вернулась в свой павильон.

Му Цинъянь вернулась в свои покои. Взгляд её был задумчив. Она села, налила себе вина из лепестков цветов и погрузилась в раздумья. Чашка за чашкой, она пила вино, потирая виски. Сделав очередной глоток, она тяжело вздохнула и прошептала:

— Всего лишь перекинулись парой слов, почему же я вспомнила о тех давних событиях?

Она взмахнула широкими рукавами, с кубком в руке грациозно подошла к кушетке и прилегла. Закрыв глаза, она представила перед собой улыбающееся лицо Ан Лэ.

Этот человек появился неизвестно откуда, при себе имел странные яды. Все эти дни она не навещала её, а та и не пыталась бегать по усадьбе. Сначала Му Цинъянь думала, что сегодня Ан Лэ наконец решит действовать, но, судя по тому, как она вела себя во время их разговора, та не была похожа на заговорщицу. Возможно, она действительно была случайно притащена Сяобаем или же её привлекли звуки цитры.

Если такие ясные глаза принадлежат человеку с дурными намерениями, то это было бы слишком страшно.

Му Цинъянь размышляла еще некоторое время, пока незаметно не уснула. Проснувшись она от того, что стало прохладно. Глянув в окно, она поняла, что уже наступил вечер. В этот момент она услышала какой-то шорох.

Её брови слегка дрогнули, но внешне она сохраняла спокойствие, в то время как её тонкие пальцы бесшумно потянулись к стоявшему рядом кубку. Она была готова действовать.

Взгляд её был прикован к окну. Она увидела, как покрытая белой шерстью рука уверенно ухватилась за раму, а затем в комнату перекинулась массивная нога.

— Сяобай? — узнав белый силуэт, Му Цинъянь успокоилась и ласково позвала.

— Пи-пи... — поскольку комната Му Цинъянь находилась на втором этаже, а дверь была заперта, Сяобай пришлось лезть через окно.

Обезьяна, тяжело дыша, взобралась внутрь и, как только устояла на ногах, услышала голос хозяйки. Она радостно оскалила белые зубы и, словно хвастаясь сокровищем, протянула Му Цинъянь какой-то предмет.

— Это же... — Му Цинъянь в изумлении уставилась на то, что держал Сяобай.

Судя по узору, это была одежда госпожи Ан. У Му Цинъянь закружилась голова. Нет, это никуда не годится! Сяобай становится всё хуже... Она еще не успела объяснить госпоже Ан недоразумение с похищением мужа, а тут уже началось воровство одежды!

— Сяобай, ты опять за свое! Как ты можешь трогать вещи госпожи Ан? — укоризненно произнесла Му Цинъянь, сделав вид, что сердится. — А ну, быстро верни всё на место!

Услышав это, радостное лицо Сяобай тут же вытянулось, приняв обиженный вид. Му Цинъянь, глядя на неё, не смогла продолжать ругаться, лишь добавила:

— Ох ты, вечно ты шалишь. Даже если не брать в расчет, что господин Ан — не тот, за кого ты принимаешь, даже если бы она была мужчиной, она всё равно не он. Перестань изводить её.

Неизвестно, услышала ли обезьяна её слова, но она продолжала обиженно теревать пальцы. Му Цинъянь поднялась и подошла к окну. Глядя на закатное небо, она тихо прошептала:

— Он больше не вернется...

Сяобай недовольно отвернулась, надув толстые губы.

— Ладно, сама отнесу, — вздохнула Му Цинъянь.

Разве это домашний питомец? Это же маленький капризный божок! Сейчас даже слова сказать нельзя. А когда госпожа Ан подшучивала над тобой, ты притворялась глухой и немой? Самой-то не стыдно? Му Цинъянь усмехнулась.

Ладно, потом воспитает, а сейчас надо разгрести последствия. Она оглядела кучу вещей, которую притащила Сяобай: здесь был полный комплект — исподнее, верхнее платье, подкладка, лента для волос... Ого, неплохой улов. Интересно, какие привычки у этой госпожи Ан? Она спит обнаженной или только что принимала ванну? В общем, сейчас госпожа Ан осталась совсем без одежды.

При этой мысли уголки губ Му Цинъянь поползли вверх в игривой усмешке.

Тем временем в другом месте...

— А-а-а!! — раздался пронзительный крик.

Ан Лэ в ужасе смотрела на пустую ширму, не в силах поверить в происходящее, и ощупывала пустоту:

— Моя... моя одежда!

Да что за напасть! Это что, называется — если человеку не везет, то даже зубы ломаются от воды?!

Несколько дней назад Юэ-эр велела ей не мыться из-за ран, и Ан Лэ, привыкшая к чистоте, только протиралась водой. А сегодня её наконец-то освободили от этого запрета! Она с радостью нагрела огромную бадью воды и с наслаждением отмокала в ней. Но проблема была в том, что, выйдя из воды, она обнаружила пропажу своей одежды!

Даже исподнее не оставили! Как же ей теперь быть? Когда Сяобай похитил её, на ней был только этот комплект! Даже полоски ткани, чтобы грудь прикрыть, не осталось, во что ей одеться?

Ан Лэ была в панике. Позвать на помощь? Нереально. Насколько она знала, в этой огромной усадьбе были только Юэ-эр, Му Цинъянь, Сяобай и она сама. На Сяобай надежды никакой, хорошо еще, если она не будет мешать. А до Му Цинъянь, жившей далеко, не докричаться. Что касается Юэ-эр, та сейчас должна готовить обед, но Ан Лэ боялась её до смерти! Юэ-эр вечно твердила о том, что мужчинам и женщинам не подобает касаться друг друга, и Ан Лэ была уверена: стоит той увидеть её в таком виде, как она, не разбираясь, зарубит её на месте.

Поразмыслив, Ан Лэ решила, что лучше уж сидеть без одежды, спокойно попивая чай. Да какое там спокойно! У неё же есть чувство стыда!

— Да какой же извращенец украл мою одежду? Даже грязное забрали, совсем совести нет...

В двадцать первом веке за беготню голышом отправляют в психиатрическую больницу! Ан Лэ сидела, чувствуя полное отчаяние, разрываясь между моральными принципами и невозможностью выйти. В конце концов, она просто сдалась и без сил осела в бадье, гадая, кто из них — Му Цинъянь, её служанка или та толстая обезьяна — виноват больше всех.

— В этой усадьбе все люди умерли... — внезапно всплыла в памяти фраза, которую Юэ-эр обронила в обед.

Ан Лэ вздрогнула. Вспоминая, что во время купания не слышала ни звука, она подумала: неужели тот, кто украл её одежду, был... призраком?

Время отмоталось назад, к полудню.

Юэ-эр принесла еду. Ан Лэ, только что вернувшаяся с прогулки, увидела на столе два мясных блюда, одно овощное и суп.

— Вау! Сегодня есть мясо! Юэ-эр, я тебя обожаю! — Ан Лэ, которая уже вечность не видела мяса, пустила слюни и в порыве чувств послала Юэ-эр воздушный поцелуй.

— Фу, распутник! Ты что, не знаешь, что мужчинам и женщинам нельзя касаться друг друга?!
— щеки Юэ-эр мгновенно залились краской.

— Да ладно тебе, не будь такой жадиной. Я же не по-настоящему тебя поцеловал, где тут нарушение приличий? В моих краях такой жест означает симпатию или благодарность, и совсем не обязательно между влюбленными, — Ан Лэ лукаво посмотрела на Юэ-эр. — Смотри,

какая ты красная. Маленькая еще, о чем ты думаешь?

Хотя она прожила в этом мире уже больше десяти лет, Ан Лэ всё еще находила древних людей забавными: они краснели по любому поводу, и дразнить их было одно удовольствие.

— Ты... ты... сама красная! Вся твоя семья красная! — Юэ-эр закрыла лицо руками и сердито топнула ногой.

Ан Лэ, покусывая кончик палочки, с восторгом разглядывала блюда на столе:

— Хи-хи, пока есть мясо, пусть я буду хоть красной, хоть черной, хоть фиолетовой!

— Эй! Ты сейчас хочешь сказать, что я тебя морю голодом и не даю мяса? — Юэ-эр, опомнившись, уперла руки в бока и сердито уставилась на Ан Лэ.

— Ну что ты, как я смею! Просто я уже десять дней ем одни овощи, десять дней! — пробормотала Ан Лэ. — Я скоро сама в морковку превращусь...

Юэ-эр не ела с ней, поэтому не понимала страданий мясоеда, которого кормят как кролика. Раньше Ан Лэ боялась просить о чем-то, считая их своими спасительницами, а теперь, узнав, что их забота — лишь попытка загладить вину Сяобая, решила, что пора требовать нормального питания.

Юэ-эр приподняла бровь:

— Кто же виноват, что у тебя раны и нельзя есть острое и жирное? Еще и меня винишь. Хочешь, сегодня тоже будешь есть одну редьку? — она сделала вид, что собирается унести еду.

Ан Лэ понимала, что в чужом доме нужно быть покладистой. Она быстро прикрыла тарелки руками и заулыбалась:

— Да ладно, я же шучу, шучу, не принимай всерьез.

Юэ-эр фыркнула и окинула Ан Лэ взглядом:

— По-моему, ты сейчас живее всех живых. Раны, наверное, почти зажили?

— Да, стало лучше, — Ан Лэ, боясь, что Юэ-эр разозлится и действительно унесет еду, ела как не в себя, и на вопрос ответила, не задумываясь.

Но Юэ-эр только этого и ждала. Её круглые глаза загорелись:

— Значит, ты можешь уходить? — в её голосе прозвучала радость.

Ан Лэ подавилась. Она наконец поняла намек: эта девчонка хочет её выгнать. Хм, кто такая Ан Лэ? После того как её довели до такого состояния, она не позволит отделаться одним обедом!

Не успела Юэ-эр договорить, как Ан Лэ выронила палочки, схватилась за поясницу и мучительно завывала:

— Ой, моя поясница! Наверное, это от того, что я поймала Сяобай! Юэ-эр, ты не представляешь, эта стокилограммовая обезьяна свалилась прямо на меня, я же не могла стоять в стороне и смотреть, как она разобьется! Я бросилась её ловить, думала, сердце выплуну... Теперь чувствую, что внутри что-то не так... наверное, это внутренняя травма... Я с детства слабая... у-у-у... теперь мне, наверное, нужен тысячелетний женшень или столетние панты оленя... А если можно деньгами, то эффект будет еще лучше... — Ан Лэ со слезами на глазах протянула ладони к Юэ-эр.

Её лицо было искажено болью, на лбу выступил холодный пот — если не считать рук, просящих денег, всё выглядело очень правдоподобно.

— Я... у меня нет денег, правда нет, я всего лишь служанка, — Юэ-эр в испуге отпрянула. — Я могу попросить хозяйку.

— Ох... я знаю, что прошу о многом. Хотя семья Му богата, но мы с вами едва знакомы... с чего бы вам тратить столько денег на такую больную, как я... Видимо, судьба моя такая — быть похищенной этой обезьяной и умереть под её весом... У меня нет других желаний, только перед смертью поест курицы... хоть кусочек... — Ан Лэ уткнулась лицом в ладони и зарыдала.

— Ты... ты всё знаешь? Ладно, хочешь курицу, я приготовлю, прямо сейчас. Не плачь, где еще болит? Я позову хозяйку, пусть посмотрит, — Юэ-эр заикалась.

— Ничего, я просто хотела оставить предсмертное завещание... боюсь, потом не будет возможности... Я просто хотела найти своих сестер... если уж умирать, то рядом с ними... жаль, что у меня ни гроша, а ехать далеко, без кареты не добраться, да и дорогу я не знаю... — Ан Лэ шмыгнула носом, выглядя крайне несчастной.

— Я... я поговорю с хозяйкой, попрошу её отправить тебя домой, хорошо? — Юэ-эр стало жаль её. В конце концов, во всем виновата Сяобай, да и она сама в последнее время была слишком строга к этой девушке. Совесть начала её мучить.

— Ты обещаешь? — Ан Лэ подняла голову, её глаза покраснели, а длинные ресницы дрожали — зрелище было жалким.

Юэ-эр, никогда не видевшая таких «очаровательных» мужчин, смутилась и опустила взгляд:

— Конечно, слово семьи Му — закон. Мы всегда держим обещания.

— Ох. — Получив согласие, Ан Лэ тут же вытерла слезы и начала командовать: — Тогда иди вари куриный суп. Из той курицы, что в курятнике, с самым большим гребешком, я на неё уже несколько дней заглядываюсь. Из неё получится отличная курица по-белому, и не забудь добавить кунжутное масло и имбирь...

Юэ-эр в изумлении указала на неё пальцем:

— Ты что, всё это время меня разыгрывала?!

Ан Лэ, даже не покраснев, прочистила горло:

— То, что меня придавило Сяобай — правда, а то, что я умираю — нет. Ты уже всё пообещала, неужели семья Му, чье слово стоит золота, собирается взять свои слова назад?

Юэ-эр сердито топнула ногой. Она подумала, что хозяйка часто говорит, что мужчинам нельзя доверять — и это чистая правда! Как же теперь она объяснит всё хозяйке?

— Юэ-эр...

— Ну что еще! — огрызнулась та.

Ан Лэ невинно посмотрела на неё:

— Я просто хотела сказать, что если кто-то другой отвезет меня, я не против.

Юэ-эр посмотрела на неё как на дурочку:

— Ты хоть раз видела здесь кого-то еще?

Если бы здесь были другие люди, стала бы она так мучиться, боясь, что хозяйка накажет её за самоуправство?

— А? Так эта ваша усадьба такая странная? Тут что, только две женщины и одна обезьяна? — Ан Лэ вытаращила глаза. Это же усадьба самой богатой семьи в мире, неужели здесь всего одна служанка? Она-то надеялась встретить старика Му Юньчана и научиться у него паре приемов ведения бизнеса.

— Ну и что? Что ты задумала? — Юэ-эр насторожилась, подумав: неужели эти вопросы — часть какого-то коварного плана?

Ан Лэ лишилась дара речи:

— Что за выражение лица? Даже если бы я что-то задумала, у меня нет на это сил. Я просто спросила из любопытства, не смотри на меня как на врага народа, ладно? Ты пугаешь меня.

Юэ-эр автоматически связала слова Ан Лэ о «нет сил» с тем, что Му Цинъянь отобрала у неё все яды, и немного успокоилась, решив продолжить разговор.

<http://bllate.org/book/21755/2249616>